

Жанна АГАЛАКОВА:

Кто это намусорил в моем городе?

— Ты стремилась, как три сестры у Чехова, в Москву?

— Никогда. Я училась в школе и была влюблена в одного болгарина. Мне страшно хотелось выучить его язык, и я поехала в Питер поступать на болгарское отделение филфака. Экзамен я завалила, через год попробовала еще раз — с тем же результатом. Между делом работала в областной газете «Молодежное племья» секретарем, затем корреспондентом. Коллеги уговорили меня поехать в Москву.

— Ты сразу поняла, что останешься здесь навсегда?

— Честно говоря, я собиралась вернуться. Мне казалось, что работать в молодежной газете в городе Киров — это здорово. Только на курсе четвертом у меня появились сомнения, стоит ли возвращаться. До этого все книжки, которые я покупала в Москве, на каникулах заботливом отвозились в Киров. У меня даже мысли не было о том, что когда-то у меня будет здесь свое гнездо. Не помню, где была граница, когда я поняла, что хочу жить в этом городе.

— Приходилось завоевывать столицу?

— Помню, как мы получили студенческие билеты — после «картошки» на первом курсе — и ехали из университета в общежитие. Ехали через станцию метро «Тульская». Сейчас там стоит 20-этажное здание налоговой полиции, а тогда был пустырь. И этот простор, и Варшавка, уходящая вдаль, и длинная много-

этажка по прозвищу «Китайская стена». Кто-то из нас крикнул: «Москва наша!» Это отвечало тогда нашему настроению. Казалось, вот мы сейчас всем покажем. Но добиваться, доказывать, завоевывать, идти на штурм — это не в моем характере. Я, скорее, держу осаду. Медленно и кропотливо.

— Теперь чувствуешь, что Москва твоя?

— Если ты про известность — нет. Пока телеведущий на экране, он известен. Ушел с экрана — никто про тебя не вспомнит. Я же не Рихтер, не Коган и не Рахманинов, который написал музыку и остался в вечности. Даже не Церетели, который поставил памятник высотой в 30 метров и может спокойно ехать в грузинскую деревню. Я живу ровно столько, сколько длится моя программа — 15 минут. Ну, 72 минуты — как программа «Времена». Не больше. Для телевизионного человека процесс завоевания публики не заканчивается никогда.

— Куда в Москве ты приходишь отдохнуть душой?

— Обожаю Пушкинскую площадь. Когда там произошел теракт, я переживала так, словно это случилось в моем доме. Туда людей все время тянет — если есть в Москве ночью пробка, так это на Пушкинской. Очень люблю пруд у Новодевичьего монастыря. Если очень худо, я туда приезжаю с булкой — уток кормить.

— Ты всегда встречаешь Новый год на Красной площади.

— Да, я ветеран движения. В первый раз, четырнадцать лет назад, в новогоднюю ночь там было человек двести, не больше, из которых львиная доля интуристов. Им негде было встречать Новый год, к тому же они знали, как это делается в Европе. Были какие-то казаки в штанах с лампасами, которые подбрасывали в воздух бутылки водки и срубали горлышки. Это было так необычно — слышать, как для тебя звонят главные часы в стране. Сейчас их уже никто не слышит — столько там бывает народу. Это больше не мое место — теперь встречаю Новый год дома.

— В Рим к мужу переезжать не собираешься?

— Нет. Там отдыхать надо, делать шопинг, ездить туда на ужин. Но работать там сложно.

— Ты помнишь момент, когда ты ощутила себя столичной жительницей?

— После университета я распределилась в пресс-центр МВД. Там меня прописали в общежитии, и юная паспортистка, ее звали Наташа, шлепнула мне в паспорт штамп о постоянной прописке. Когда я вышла с этим паспортом, я увидела какую-то пролажку, валяющуюся на асфальте. И подумала: «Черт возьми, кто это намусорил в моем городе?»

Известия. - 2002. - 27 мая - с. 11.